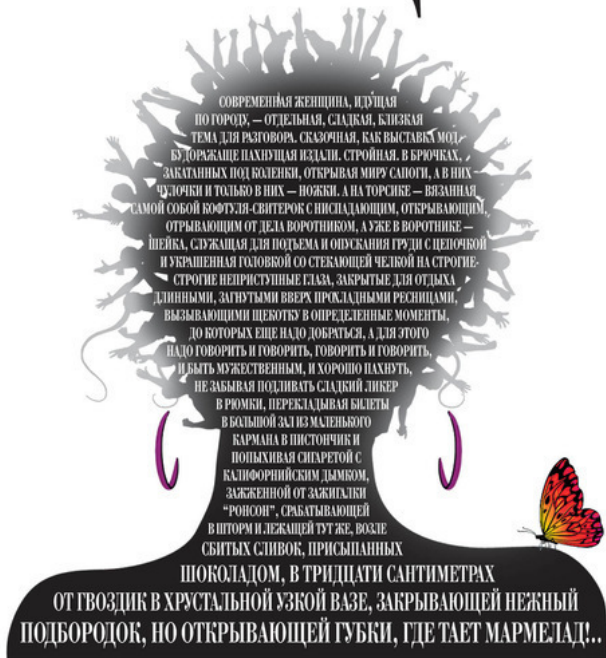

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

ЖЕНЩИНЫ

Михаил Михайлович Жванецкий

Женщины

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3364515*

Женщины: Эксмо; М.: 2012

ISBN 978-5-699-56374-6

Аннотация

Читая Жванецкого, слышишь его голос, и легко представить себе, как Михаил Михайлович выходит на сцену, вынимает из портфеля стопку страничек и читает их в своей оригинальной манере: с паузами и акцентами на отдельных словах. Но когда мы сами читаем его тексты, нам открывается иная глубина знакомых фраз и многовариантность их понимания.

Юмор – самая притягательная грань таланта Жванецкого.

Его смех – покров вечных вопросов и горьких истин, над которыми человек не может не задумываться. Ведь все, о чем пишет и говорит маэстро Жванецкий, – то наша жизнь. А кто еще умеет так о ней сказать?

Содержание

Здравствуйте!	5
Свободная	7
Наша!	8
Женский язык	10
Сороковые	12
Какой взрослый мужчина...	14
Подруги	16
Современная женщина	19
Наши мамы	21
Мы гуляли в лесу под Ялтой	23
В кулуарах	25
На веранде	27
Рассказ пожилой женщины	32
В самолёте	34
Такая жизнь кругом!	36
Давайте сопротивляться	40
Успокойтесь, ухожу	41
Телефонный разговор	44
«Она на его колене...»	47
С женщиной	48
Станный мальчик	51
На приёме	52
История вкратце	56

Дела командировочные	58
Нюансы	60
Нашим женщинам	61
Вам, моя дорогая	64
Теперь ты, детка!	65
Соседка о соседях	67
Яша	70
Наш секс	72
Он, она и словарь	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Михаил Михайлович Жванецкий Женщины

Здравствуйте!

Пишет вам автор. Здесь много женщин под одной обложкой. Давно хотел их отобрать и собрать. Женские характеры:

«Всегда!»

«Иногда!»

«Никогда!»

«Может быть!»

Они решают за троих: отца, себя и ребёнка.

Вначале притягивают.

Потом удерживают.

Вначале обжигают.

Потом согревают.

Здесь знакомые вам незнакомые, то есть лучшая компания, когда, опираясь на одних, завоёвываешь остальных.

Моих женщин мне помогли собрать: сборщик Александр Сысоев из Нижнего Тагила, который много лет наблюдает за усилиями, и дорогие мне москвичи Катя Герасичева и Ва-

дим Бе́ляев.

*Пусть для вас звучит мой голос и светит внешний вид.
Всегда неподалёку...*

Свободная

Я в городе не могу. Я хочу улицу на красный свет переходить. Я должна перебегать там, где я хочу. Я не могу ждать открытия парка или сезона, я должна делать то, что я хочу. Неужели это непонятно? Я не могу жить среди переходов, перекрёстков, звонков, свистков, ограждений.

Ну, дерево стоит. Оно же такое, как я. Почему его охраняют, а меня нет? Я не могу с восьми до пяти. Я не могу по звонку бежать на работу, я должна бежать, когда я хочу.

Мне девятнадцать. Я росла на берегу, на камнях. Я бегала с мальчиками. Я не хотела учить музыку, потому что я не могу сидеть. Я и так пою, зачем мне рояль? И бегаю босиком. Я должна бегать там, где я хочу. Я должна жить там, где я хочу.

Мы птиц охраняем, чтобы они летали, где хотят. Как же мы человеку говорим: живи здесь, ходи туда, здесь не ходи, здесь не лежи, здесь не пой. Вы меня извините, я в городе не могу.

Приезжайте в Батуми, пойдёте по дороге на Михенджаури, зайдите в лес и крикните: «Диана!» – и я выйду!

Наша!

Все кричат: «Француженка, француженка!» – а я так считаю: нет нашей бабы лучше. Наша баба – самое большое наше достижение. Перед той – и так, и этак, и тютю-мутю, встал, сел, поклонился, романы, помолвки... Нашей сто грамм дал, на трамвае прокатил – твоя.

Брак по расчёту не признаёт. Что ты ей можешь дать? Её богатство от твоего ничем не отличается. А неприязнительная, крепкая, ясноглазая, выносливая, счастливая от ерунды. Пищу сама себе добывает. И проводку, и извёстку, и кирпичи, и шпалы, и ядро бросает невидимо куда. А кошёлки по пятьсот килограммов и впереди себя – коляску с ребёнком! Это же после того как просеку в тайге прорубила. А в очередь поставь – держит! Англичанка не держит, румынка не держит, наша держит. От пятерых мужиков отобьётся, до прилавка дойдёт, продавца скрутит, а точный вес возьмёт.

Вагоновожатой ставь – поведёт, танк дай – заведёт. Мужа по походке узнаёт. А по тому, как ключ в дверь вставляет, знает, что у него на работе, какой хмырь какую гнусность ему на троих предложил. А с утра – слышите? – ду-ду-ду, топ-топ-топ, страна дрожит: то наши бабы на работу пошли. Идут наши святые, плоть от плоти, рёбрышки наши дорогие. Ох, эти приезжают – финны, бельгийцы, новозеландцы. Лучше, говорят, ваших женщин в целом мире нет. Так и расхватыв-

вают, так и вывозят богатство наше национальное. В чём, говорят, её сила – она сама не соображает, какая она. Любишь дурочку – держи, любишь умную – изволь. Хочешь крепкую, хочешь слабую...

В любой город к нему едет, потерять работу не боится. В дождь приходит, в пургу уходит. Совсем мужчина растерялся и в сторону отошёл. Потерялся от многообразия, силы, глубины. Слабше значительно оказался наш мужчина, значительно менее интересный, примитивный. Очумел, дурным глазом глядит, начальство до смерти боится, ничего решить не может. На работе молчит, дома на гитаре играет. А эта ни черта не боится, ни одного начальника в грош не ставит. До Москвы доходит за себя, за сына, за святую душу свою. За мужчин перед мужчинами стоит.

Так и запомнится во весь рост: отец плачет в одно плечо, муж в другое, на груди ребёнок лет тридцати, за руку внук десяти лет держится. Так и стоит на той фотографии, что в мире по рукам ходит, – одна на всю землю!

Женский язык

Всё очень просто, если понимаешь женский язык. Едет женщина в метро. Молчит. Кольцо на правой руке – замужем. Спокойно, все стоят на своих местах. Кольцо на левой – развелась. Два кольца на левой – два раза развелась. Кольцо на правой, кольцо на левой – дважды замужем, второй раз удачно.

Кольцо на правой и серьги – замужем, но брак не устраивает.

Два кольца на правой, серьги – замужем, и есть ещё человек. Оба женаты. Один на мне. Оба недовольны жёнами. Кольцо на правой, одна серьга – вообще-то я замужем... Кольцо на левой, кольцо на правой, серьги, брошь – работаю в столовой. Тёмные очки, кольца, брошь, седой парик, платформы, будильник на цепи – барменша ресторана «Восточный». Мужа нет, вкуса нет, человека нет. Пьющий, едящий, курящий, стоящий и лежащий мужчина вызывает физическое отвращение. Трёхкомнатная в центре. Четыре телефона поют грузинским квартетом. В туалете хрустальная люстра, в ванной белый медведь, из пасти бьёт горячая вода. Нужен мужчина с щёткой, тряпкой и женской фигурой.

Ни одной серьги, джинсы, ожерелье из ракушек, оловянное колечко со старой монеткой, торба через плечо, обкусанные ногти, загадочные ноги: художник-фанатик, откликается

ся на разговор о Ферапонтовом монастыре. Погружена в себя настолько, что другой туда не помещается...

Бриллианты, длинная шея, причёска вверх, разворот плеч, удивительная одежда, сильные ноги – балет Большого театра. Разговор бессмыслен. «Вы пешком, а я в «Мерседесе». Поговорим, если догонишь...»

Кольцо на правой, гладкая причёска, тёмный костюм, белая кофта, папироса «Беломор» – «Что вам, товарищ?..»

Кольцо на правой, русая гладкая головка, зелёный шерстяной костюм, скромные коричневые туфли и прекрасный взгляд милых серых глаз – твоя жена, болван!

Сороковые

Общество наше, не то, в котором мы все состоим, а то, которое образуем, было подвергнуто тщательному наблюдению. Там обнаружено появление одиноких личностей сороковых с лишним годов. Эти люди, куда со всей силой входят женщины, пытаются вести беседы, затрагивающие вопросы политики, жалуются на сердце, тоску, вздыхают часто, смотрят наверх, не могут подать себе чашку чая. При появлении молодых женщин проявляют некоторую озабоченность, оставаясь неподвижными.

Глубокое недоумение вызывает внезапно затанцевавший сороковик.

Женщина-сорокапятка одинока, полногрудая, золотозубая, брошиста, морщевата, подвижна. Легко идёт на контакты, если их разыщет. Танцует много, тяжело, со вскриком. Падает на диван, обмахиваясь. Во все стороны показывает колени, ждёт эффекта. В этой среде особенно популярны джинсы, подчёркивающие поражение в борьбе с собственным задом, женитьба на молодых, стремительно приближающая смертный час, и тост за здоровье всех присутствующих. Второй тост – за милых, но прекрасных дам – предвещает скучный вечер со словами: «А вам это помогает?.. Что вы говорите?..»

Романы сорок плюс сорок небольшие, честные, с двухне-

дельным уведомлением.

А в основном это люди, смилившиеся с одиночеством, твёрдо пропахшие жареным луком, и только не дай бог, если телефон откажет или будет стоять далеко от кровати...

Какой взрослый мужчина...

Какой взрослый и крепкий мужчина не любит уйти в лес и полежать на траве?! Какой взрослый и крепкий мужчина не любит поплакать в тёплую шею, в тёплое родное плечо, в то самое место, созданное для мужских слёз?! Давят, давят перчатки. Тесен мне, тесен так плотно облегающий меня мир. Ещё немножко дай мне сил – я опять ринусь туда. Возвращаюсь, опалённый снаружи, раскалённый внутри, и припадаю.

Наши милые женщины, выращенные в небольшом объёме двухкомнатных квартир! Как бы хотелось, чтобы у вас было всё хорошо, чтобы наша могучая промышленность перестала рыть ходы под нами, а немножко поработала на вас. Чтобы мощные станы Новокраматорского завода выпускали нежные чулочки, такие скользкие и безумные, когда в них что-то есть. Чтобы перестал страшно дымить Липецкий химкомбинат, а выпустил очень вкусную блестящую помаду, делающую губы такими выпуклыми и желанными, и чтобы грохочущий и вспыхивающий по ночам УЗТМ полностью перешёл с бандажей товарных вагонов на тончайшие колье и ожерелья. Меньше дыма – больше толка. И на Кольском полуострове перестали бы наконец ковыряться в апатитах и выпустили духи, от которых все мужчины стали мужчинами и побледнели. И тогда наша маленькая и удивительная женщина

не будет тратить столько сил на добычу и украшение самой себя. И из глаз у неё исчезнет большая озабоченность. И красота некоторых не будет стоить их мужьям такого длинного срока, а мозоли на лучших в Европе ногах пропадут вместе с теми сапогами, за качество которых мы так боролись. А мускулы останутся только у гимнасток. И мы будем смотреть на них и радоваться, что это не наша жена там кувыркается, мелькая широкими плечами и стальным голеностопом. А наша – здесь, ароматная, нежная, слушающая внимательно про всё безумие борьбы за технический прогресс и езды в переполненных автобусах. Должен же дома быть хоть один человек с не помятыми в автобусе боками!

Это и будет равноправие, когда каждый приносит другому всё, что может. Мы же все хотим после работы в лес, на траву.

Пусть этим лесом будет наша жена.

Подруги

На углу стоят девять женщин.

Девятая (*прощается*). Девочки, я так рада, что мы наконец собрались. Мы в последнее время так редко собираемся. Я вас приглашаю на следующее воскресенье. Ладно, девочки?! Ну, я пошла... До свидания...

(Восемь женщин смотрят ей вслед.)

Первая. Хорошо, что она нас пригласила. Мы так давно вместе не собирались. Правда, девочки? И как здорово всё было приготовлено. С каким вкусом. Я ела и думала: откуда у неё деньги? В аптеке работает... Это всё яды... Она домой полную сумку ядов тащит. А сейчас за яды бешенные деньги дают: змей не хватает... Эх! Мне б яду!.. Ну, я пошла.

(Семь женщин смотрят ей вслед.)

Вторая. Видели, кофта на ней!.. Муж плавает на пароходе днём и ночью. Никто его не видит. Такие вещи привозит! Класть некуда. Могла бы сказать мне: «Капа! Я вижу, ты смотришь – на. Мы поносили, теперь ты поноси... На!.. Бери!...» Господи, я бы всё равно отказалась, разве мне нужны эти тряпки. Но она могла бы предложить?! Ну, я пошла...

(Шесть женщин смотрят ей вслед.)

Третья. Отсудила у мужа всё... Выбросила его на улицу голого и босого, там он простудился и слёг. А ещё два диплома имеет, образованная... До свидания, мои любимые!

(Пятеро смотрят ей вслед.)

Четвёртая. Образованная... Уж кто бы говорил, а она б молчала. Сама на свой диплом чайник ставит! А я, между прочим, без диплома и без аттестата – и все со мной совету-ются. Потому что все меня любят. Правда, девочки?

Все. Конечно, милая...

(Четвёртая уходит. Четверо смотрят ей вслед.)

Пятая. Ей уже сто лет. Водку пьёт, как мужчина, и ниче-го. Вот что значит организм... Ну, надо идти.

(Пятая уходит. Трое смотрят ей вслед.)

Шестая. Иди, милая, иди... Сама становится всё старше, а мужья всё моложе и моложе... Последний, кажется, в шко-лу ходит. До свидания, девочки.

Двое. До свидания, родная.

(Шестая уходит. Двое смотрят ей вслед.)

Седьмая. А я вам скажу: у неё комплекс. Знаете, теперь есть такой комплекс ненормальности. Всё стучит шваброй в потолок, чтоб перестали мебель двигать. А у нас из мебели – ведро воды... Такая дура... За что её мужу Ленинскую пре-мию дали?... Пошла.

Восьмая. Пошла, пошла...

(Остается одна. Тоскливо смотрит по сторонам.)

Пошла... Пешком... А по ночам на «Волге» ездит. Скры-вает... А от народа скрывать нечего. Народ ночью видит луч-ше, чем днём. Верно?.. Верно!.. Точно?.. Точно!

(Уходит направо. С левой стороны поднимается занавес.)

Восемь женщин стоят, смотрят ей вслед.)

Первая. Видели?.. Она улыбнулась. Челюсть у неё искусственная. А если копнуть глубже, парик!

Все. Что ты говоришь?

Первая. Да.

Современная женщина

Что случилось с женщинами? Я постарел, или новая мода – невозможно глаз оторвать, трудно стало ходить по улицам.

Прохожий

Современная женщина, идущая по городу, – отдельная, сладкая, близкая тема для разговора. Сказочная, как выставка мод. Будоражаще пахнувшая издали. Стройная. В брючках, закатанных под коленки, открывая миру сапоги, а в них чулочки и только в них – ножки. А на торсике – вязанная самой собой кофтуля-свитерок с ниспадающим, открывающим, отрывающим от дела воротником, а уже в воротнике – шейка, служащая для подъёма и опускания груди с цепочкой и украшенная головкой со стекающей чёлкой на строгие-строгие неприступные глаза, закрытые для отдыха длинными, загнутыми вверх прохладными ресницами, вызывающими щекотку в определённые моменты, до которых ещё надо добраться, а для этого надо говорить и говорить, говорить и говорить, и быть мужественным, и хорошо пахнуть, не забывая подливать сладкий ликёр в рюмки, перекладывая билеты в Большой зал из маленького кармана в пистончик и попыхивая сигаретой с калифорнийским дымком, зажжённой от зажигалки «Ронсон», срабатывающей в шторм и лежащей тут же возле сбитых сливок, присыпанных шокола-

дом, в тридцати сантиметрах от гвоздик в хрустальной узкой вазе, закрывающей нежный подбородок, но открывающей губки, где тает мармелад!..

О боже, оркестр, ну что же ты?! Вот и датчане вышли в круг, вот и ритм... Но нет, не то. Пусть датчане прыгают, а мы спокойно, почти на месте, неподвижно, струя кровь мою от вашей в трёх сантиметрах и вашу влагу от моей – в пяти.

Ваша стройность перестала быть визуальной, она уже – здесь. А разность полов так очевидна, так ощутима. Мы так по-разному одеты и представители столь разных стай... Только наши шаги под этот оркестр. Из наших особей исчез интеллект и пропали глаза, мы ушли в слух. Его музыка, твоё дыхание и там, внизу, движение в такт контрабасу. И догорает сигарета, и допевает квартет, и ликёр из графина перетёк в наши глаза, а сливки с шоколадом ещё не кончились. Они припорошили губы, и мы будем их есть потом, позже, медленно.

Хороший режиссёр в этом месте ставит точку, потому что к нам приближаются официант, портье, милиционер и распорядитель танцев.

Наши мамы

Что же это за поколение такое? Родились в 1908—10—17-м. Пишут с ошибками, говорят с искажениями. Пережили голод двадцатых, дикий труд тридцатых, войну сороковых, нехватки пятидесятых, болезни, похоронки, смерти самых близких. По инерции страшно скупы, экономят на трамвае, гасят свет, выходя на секунду, хранят сахар для внуков. Уже три года не едят сладкого, солёного, вкусного, не могут выбросить старые ботинки, встают по-прежнему в семь и всё работают, работают, работают не покладая рук и не отдыхая, дома и в архиве, приходя в срок и уходя позже, выполняя обещанное, выполняя сказанное, выполняя оброненное, выполняя все просьбы по малым возможностям своим.

Пешком при таких ногах. Не забывая при такой памяти. Не имея силы, но обязательно написать, поздравить, напомнить, послать в другой город то, что там есть, но тут дешевле. Внимание оказать. Тащиться из конца в конец, чтоб предупредить, хотя там догадались, и не прилечь! Не прилечь под насмешливым взглядом с дивана:

– Мама! Ну кто это будет есть? Не надо, там догадаются. Нет смысла, мама, ну, во-первых...

Молодые – стервы. Две старухи тянут из лужи грязное тело: может, он и не пьян. А даже если пьян... Молодые стервы: «Нет смысла, мама...»

Кричат старухи, визжат у гроба. Потому что умер. Эти стесняются. Сдержанные вроде. Мужественные как бы... Некому учить. И книг нет. А умрут, на кого смотреть с дивана? Пока ещё ходят, запомним, как воют от горя, кричат от боли, что брать на могилы, как их мыть, как поднимать больного, как кормить гостя, даже если он на минуту, как говорить только то, что знаешь, любить другого ради него, выслушивать его ради него, и думать о нём, и предупредить его.

Давно родились, много помнят и всё работают, работают, работают, работают. Наше старое солнце.

Мы гуляли в лесу под Ялтой

Пароход пока стоял. Мы углубились. Она сказала: «Давай закопаем вещи, документы и деньги, чтобы не мешали гулять. А место запомним – вот эти три дерева».

И я согласился.

И мы закопали.

Мы ещё гуляли часа два, а потом перестали.

Я к ней хорошо относился.

Собственно, а что из неё выжмешь?..

Паспорт можно восстановить.

Хуже...

Там ещё вот эта была...

Виза...

Перекопали мы...

Хуже, что лес заповедный...

Потом эта.... охотинспекция...

Пароход за это время два раза приходил...

Нам сверху видно...

Главное, не в чем из лесу...

Если кто появляется, уходим вглубь...

Копаем по ночам...

А что о себе...

Да охраняем... не даём туристам костры жечь, кабанов гоняем – не даём копать...

Там, где мы перекопали, уже побеги...

Аттестат зрелости не жалко, но там эта...

Сберегательная книжка и аккредитив... права... диплом,
деньги, справки.

Многие спрашивают, как я к ней после этого.

А как?.. Хорошо.

В кулуарах

Видишь – девочка, хочешь познакомлю? 226-15-48. А вот блондинка идёт – 245-14-69. Лида. А вот её рабочий – 227-49-53, с девяти до шести, перерыв с тринадцати до четырнадцати. Жуковского, тридцать восемь, квартира семь, пятый подъезд. Эта вышла замуж недавно, живут хорошо, в новом доме. Ленинский проспект, шестьдесят восемь, корпус три, квартира четыре, но уже пол трескается, и плитка в ванной обвалилась. Вот идёт Лида Скрябина – аспирантура строительного, сто пять рублей и два месяца каникулы. Рабочий – 246-42-38, домашний – 247-49-25, волосы крашенные, что-то с почками.

А вот муж и жена Островские – Петя и Катя. Одеты просто, а бриллианты зашиты в мешочках с нафталином, что цепляются на ковёр от моли. Здравствуйте!.. Основной – в левом верхнем мешочке, восемьдесят четыре карата. Здравствуйте. Как дела? Ничего, спасибо...

А это Женя, симпатичная девочка, подходить не стоит – любит одного актёра, тратит все деньги, чтобы он её заметил. Ну, он её заметил, теперь там трагедия. Вчера была у гадалки...

Здравствуйте!.. Сидор Иванович. Выпихивают на пенсию, не хочет, насмерть стоит. А его молодёжь снизу подпирает. Сегодня всю ночь писал в горьком. Написал, в кармане дер-

жит, в правом.

Здравствуйте!.. Двадцать девять лет, не мужчина... Мама в отчаянии. По всем курортам – головой об стенку. Завтра везут в Ленинград к знаменитому профессору Зильберману. Но сам Зильберман, как показала его последняя свадьба... Здравствуйте!.. У неё посаженный отец. Артель. Розовые очки. Обеды устраивал, по сто человек приглашал, а кому-то обед не понравился – хлоп... Здравствуйте!.. 283-48-19, добавочный 51, с утра до одиннадцати. Могу познакомить. Три комнаты в центре с родителями. Если нажать, папа построит кооператив; внешне хромает, заставляет желать лучшую, но кооператив!.. Здравствуйте!.. Шепелявит, картавит, прихрамывает – умна как бес. Курит и пьёт. Но первое время скрывает. Защищает диссертацию.

Ого, целый автобус пришёл: Оля – 287-48-19, Катя – 211-15-49, Маня – старая, 187-49-34.

Послушай, а когда ты сам, тебе уже пятьдесят?!

На веранде

Софья Львовна. Тогда я Милочке сказала, что мне всё равно. Пусть будет так, как есть, но ты же не можешь жить одна.

Моя мама. Почему одна?

С.Л. И мы пошли к Татьяне Ефимовне. Вы её знаете. Женщина очень интеллигентная. Она Мишу знает и любит. Я у неё видела книгу воспоминаний этого... ну, вы его читали, Миша, ну мама знает. Он чудесно пишет и на фотографии такое умное лицо.

Мама. Это наша родственница, Миша, Софья Львовна, у неё своя дача, она нам сливы приносила. Очень вкусные.

С.Л. Да. Он очень умный и пишет в основном о своих встречах с писателями, о знаменитых артистах, очень хорошо пишет, очень спокойно, достойно. Я б хотела, чтобы вы прочитали, Миша. Вот она. Я вам специально принесла с собой. Нет. Это я взяла ключ для закрутки. Ха-ха... Ой! Этим летом необычно большой урожай абрикосов, и слив, и яблок, и груш. Я хочу, чтоб вы у нас побывали с мамой и с Мишей. У нас сосед разводит вьетнамские кабачки. Он нас угостил, но это для питания скотов, крупные косточки, а Милочка говорит, ты, мама, не беспокойся, значит, я рожу от какого-то мужчины (*плачет*). Главное для меня – ребёнок. Я хочу иметь ребёнка. Я говорю, как же... Но я уже понимаю,

что теперь другое время. И ваш товарищ мог вполне прийти к нам.

Мама. Это Толик.

С.Л. Он математик одинокий.

Мама. Он бегаёт по утрам.

С.Л. Ну что делать. Ей уже 37 лет. Он, наверное, плохой человек.

Миша. Да нет, что вы, прекрасный.

С.Л. А почему вы сказали, «будь он проклят»?

Миша. Когда?

С.Л. Минуту назад, Мишенька, вы сказали, «ну и мерзавец».

Миша. Да что вы? Как я мог... Это мой друг детства. Нас всего пятеро. Мы всю жизнь. Да что вы.

Мама. Нет. Он этого не говорил.

С.Л. Милочка говорит, он математик, ему сорок с лишним, он преподаёт, и он должен был к нам прийти. Познакомиться. И я вам скажу кто. Это ваш друг математик или физик.

Мама. Это Толик.

С.Л. Вы о нём хорошего мнения?

Миша. Да. Это мой друг детства. Нас всего несколько человек. Мы ещё с пятого класса. Он окончил физмат, преподаёт математику.

С.Л. А правда, что он холостяк?

Миша. Правда.

С.Л. А почему он вам не нравится?

Миша. Он мне очень нравится. Он мне не может не нравиться. Мы дружим с детства. Нас пятеро или шестеро. Мы так и дружим. Он очень хороший человек.

Мама. Он бегают по утрам. Он морж. Купается зимой.

С.Л. Да. Ну что делать, что делать, если она одна. И она говорит, мама, ну что делать, ну что делать, если я одна. Я отвечаю, да, Милочка, что делать, если ты одна, тебе уже 37 лет. Выглядит она прекрасно. Они сегодня пошли в театр, и я хочу, чтобы вы у нас побывали. В этом году необычайный урожай.

Мама. Софья Львовна специально пришла в темноте, чтоб тебя повидать. Это очень трогательно. Сейчас темно.

С.Л. Я чуть не упала, но здесь недалеко.

Мама. Мы вас проводим обязательно, и речи быть не может.

С.Л. Что вы, не стоит беспокоиться.

Мама. И речи быть не может. Ты слышал, я ничего не хочу слышать. Обязательно проводи. Знать ничего не хочу.

С.Л. Да. Я хочу, чтоб вы у нас побывали. В этом году необычайный урожай. Так много слив, абрикосов. Вы обязательно должны у нас побывать. У меня такой чудесный зять. Милочка его очень любит. У них двое детей.

Мама. Это у старшей?

С.Л. Да. Они чудесные такие дети. Они без меня не могут. «Бабушка, бабушка». Они рисуют меня. Всё время меня

рисуют. Который час?

Мама. Четверть двенадцатого.

С.Л. Они уже спят (*переходит на шёпот*). Милочка мне говорит: «Мама, они так крепко спят», – но я не могу на неё смотреть без слёз. Умница, начитанная, её нельзя называть красавицей, но мила бесконечно. Мне обещали познакомиться её с одним математиком. Довольно молодой, лет 45. Спортсмен, читает физику, бегают, плавают, в общем, очень современный. Пусть познакомятся, пусть даже поживут, я уже тоже стала современная. Мне говорили, очень хороший парень. И я выяснила, что это ваш друг, Миша.

Мама. Это Толик.

С.Л. Я специально пришла, чтоб расспросить вас о нём.

Мама. Да. Мы вас проводим обязательно. Софья Львовна шла одна в темноте. Обязательно, и я ничего не хочу знать. Сейчас же.

С.Л. Сейчас Миша мне расскажет о нём.

Миша. Он мой товарищ. Мы дружим с детства. Нас где-то всегда было пятеро или шестеро, как когда. Он прекрасный человек. Ему сорок пять. Холост. Читает математику.

С.Л. Пусть познакомятся.

Мама. Пусть познакомятся.

Миша. Пусть познакомятся.

Мама. Он спортсмен, бегают по утрам, плавают зимой, прекрасно выглядит.

С.Л. Да. Что делать. Какой уж есть. Ей уже 37 лет. Она не

красавица. Да, я очень хочу, чтоб мы посидели у нас. Я даже найду, чем вас угостить. Милочка испекла чудесные пончики с яблоками. И чай. Сейчас я поставлю. Миша, вы должны попробовать.

Миша. Нет, нет.

Мама. Не беспокойтесь, Софья Львовна. Здесь такая темнота, я не знаю, как вы добрались.

С.Л. Что делать. Мне же надо было узнать об этом математике, но у нас на воротах выключатель, я, когда иду, я всегда зажигаю, и полпути мне светло. Миша, когда будете выходить, зажжёте.

Мама. Что вы, что вы!

С.Л. Обязательно. Вы слышите, Миша? Справа на столбе.

Голос Миши. Я найду.

Мама. Он включит, и мы пойдём.

С.Л. Прекрасный вечер.

Мама. Чудесный. Жаль, скоро лето кончается.

С.Л. До свидания.

Мама. До свидания.

С.Л. Заходите обязательно. Вы же здесь недалеко.

Мама. Конечно. Я вас провожу.

Рассказ пожилой женщины

Я три года над ними работала. Он несчастный парень, она еле дышит. Я их познакомила. Он приходит ко мне: «Она сидит у телевизора, даже в мою сторону не глядит».

Я к ней: «Почему так, Розочка, ты не можешь пошевелиться?»

А она мне: «Он же мужчина, он так сидит, и я так сижу».

Я к нему: «Что же вы так сидите, Славик, вы же мужчина, не может же девушка броситься вам на шею. Ну сядьте поближе, пойдите в кино».

Он: «Она кино смотрит. На меня не смотрит».

– А вы за руку её брали?

– Нет.

– Возьмите.

– Она вырвет.

– Не вырвет.

Пошла к ней.

– Он пойдёт с тобой в кино, Розочка, и возьмёт за руку. Ты не вырывай.

– А если мне будет неприятно?

– Будет приятно.

– Отчего?

– Оттого, что, когда мужчина берёт за руку, это всегда приятно.

Он приходил, жаловался. Она жаловалась. Я их вела три года.

И вдруг от посторонних людей я узнаю, что они пошли в ЗАГС. А я не пошла на свадьбу. Я обиделась. Ну, я правильно сделала, я вас спрашиваю?

В самолёте

Жили под Москвой, в Иваново. Потом собрались мы, девушки, ткнули пальцами в карту. Одна – Воронеж, другая – Омск. Мне выпала Полтавская область. И поехала на деревню дедушки.

Сейчас закройщица в Чебаново. Замуж вышла. Самое ужасное – работаем в одном доме и живём в одном доме. Вместе с работы, на работу. Каждый знает, когда встал, что съел.

Муж – часовщик. Дом быта там. Так что его собачья будка напротив моего стола. Невозможно. Приходим домой и разбегаемся в разные стороны. Что?.. Мои глаза?.. Он этого уже не замечает. Привык.

Да нет. Он инвалид у меня. Дома сидим. Я вот летаю иногда к маме в Иваново.

Были красивые... А это от иголки. Это мозоль. А разве у вас нет? Вы кто?.. О! Так вы весёлый человек. Расскажите что-нибудь... ну вот где мы сейчас летим?.. Вот я так отодвинусь... Нет, нет, ничего. А я руку подложу. Удобно?.. Киев?.. Как у вас много седых волос. Трудно?.. А мне кажется, легко. Сел. Написал... Кроить?.. А я люблю. Особенно новые модели.

Если б он напротив не сидел... Ой!.. Не надо...

Они пахнут кожей, да?.. У меня чемодан новый... Конеч-

но, приеду... Я часто приезжаю в Киев... У меня даже телефон есть на работе... Можно... А пусть... Только вы не захотите со мной гулять. Все со мной знакомятся, когда я сижу. Я встану, я вам не понравлюсь. У меня перелом был в детстве, на санках. Мама говорит, было б у тебя две ноги, ты б на голове ходила. Уже две операции было. Я потом ещё лягу... Что вы замолчали?.. Вы не хотите мой телефон записать? Местный 3-28. Он легко запоминается. Я сейчас встану. Вы только не смотрите. Ладно? Пожалуйста.

Такая жизнь кругом!

Такая жизнь кругом, такая жизнь кругом, прям некогда заняться профессией. Ой, как здорово кругом! Вечером драку разнимала: мои друзья подрались, больше некому было и подраться и разнимать. Её оттягиваю, этот в меня попадает. Его оттягиваю, она в меня попадает. Еле разобрались. Ой, ну прям, ну ой здорово как. У неё синяки. Он весь перекушенный, я вообще под столом валяюсь. Он её муж. Я её подруга. Приезжай, кричит, убивают. Я в такси.

Ой! Они помирились, я выздоровела. В ресторане отмечали. Веселились. Оркестр всё одну Пугачёву пел, истанцевались прям. Такая жизнь кругом, только сосредоточишься на профессии – звонок, куда-то ехать. Чего-то очередь занимать, чего-то вдруг резко выбросили.

Ой! Юмористы пишут, люди стоят, не знают за чем, а меня ещё бабушка учила: видишь очередь – займи, не прогадаешь. Это бабка ещё в те времена усекла. Все побежали – беги, не прогадаешь... Тот, что со всеми побежал, ни разу не пожалел, тот, что остался, так и остался. Толпа и давка всегда в курсе. Хорошим слухам не верь, плохим верь всегда. Если пошёл слух, что воду отключат, значит, отключат. Пошёл слух, что дом сносить будут, значит, будут, и всё тут. Потому что не только слухи от постановлений, но и постановления по слухам принимают. А насчёт бабских разгово-

ров – бабские разговоры и есть. Из газет разве узнаешь, где что дают? Только из бабских разговоров. Любую давку растолкаешь, внутрь влезешь – чего говорят, где брали, сколько дают, на что цены повысят? Ох и жизнь кругом кипит. Люблю за людьми следить, как скопились, так я там. Что, где, когда, почём? Совсем некогда заняться профессией. А народ кругом интересный и своеобразный.

На собрании с одинокой сослуживицей так тихо себе разговаривали, вдруг она мне прямо в лицо как запоёт: «На битву и доблестный труд...» Я говорю: «Ты что, сдурела?» Оказывается, все запели. Ну и я ей в лицо: «Расправив упрямые плечи...» Она и рухнула.

Такая жизнь кругом, прям балдеешь – фонтан! Очень я люблю эту жизнь, тут всё интересно. Материал где-то достали. Жакетку, юбку, куртку – всё сшили, этикеток, лейблов попришивали. Идём, красуемся. Всё поотбирали – ворованный материал. На суде выступала под аплодисменты.

Такая жизнь кругом.

Колготы порваны, каблука нет. Из такси вытаскивали. Я, мол, без очереди, мне срочно. Водитель меня держит. Я ору. Они тянут, ой, смеяться не могу, нос болит. Кто-то из очереди, чей-то ребёнок, похож на грудного, а зубы как у расчёски.

Ну жизнь кипит!

Как на работу приду, так звонок. Начальник уже знает – иди с глаз моих. А что я могу сделать, если всё время что-то дают? Я ж не для себя. Я на работе всем занимаю. Взяла

босоножки – вроде дорого, да и цвет не нравится, и размер не мой. Но я ж за ними занимала, я их меняю с доплатой на куртку. Куртку отдаю со своими джинсами, и марлёвка обошлась мне даром. А тут звонят – Тимка из электрички выпал. И трезвый на редкость. Люди видели. Электричка уже тронулась, двери закрылись, он в последнюю секунду влетел, сказал: «Фу! Успел!» Двери открылись, он выпал, электричка дальше пошла. Значит, мы с Ленкой за ним в такси. Ребёнок мне в нос вцепился. Потом тут одна семья приехала – дипломаты, помоги багаж разбирать. Так я ж с утра там. Всю квартиру прибрала. Может, и мне чего достанется. Ни минуты продохнуть.

Такая жизнь кругом.

Ночью поднимают. Лети быстрее – Верка с Борькой опять дерутся. Как приедешь, начнём разнимать.

Ну, вот. Мне двадцать пять, а я сплю в метро. На работе не уснёшь. Я им такой чай завариваю... Блины пеку, пюре, прямо на столе у себя. Начальник носом поведёт: «Это что у тебя, Чередеева? Пельмени, что ли? Дуй в магазин». Ни на что свою работу не променяю.

Они говорят, ты, Чередеева, программист. Я говорю, ну и ладно. А мне чего. В центре, ненормированный... Голубей дурных на подоконнике стала прикармливать и по одному лесочкой – бух и в кастрюлю. Начальник носом поведёт: «Чередеева, что у тебя, курица, что ли? Рви в магазин!» Интересно потрясаяще.

А тут ещё одна наша на этой базе с ума сошла. Всем стала кулак показывать, придирается, платье вырывать. Почему стихи пишете, почему примериваете, почему не работаете? Я её к психиатру сопровождала. А я там ещё и с терапевтом одним соединилась. Ну, говорит, Чередеева, для тебя бюллетеней хоть по два в день. Влюбился. Но женатый. Я его придерживаю. Но, однако, тут на больничном такую очередь отстояла – весь отдел в румынских кроссовках сидит. А в мясном отделе парень мясо рубит и ничего такого не просит. Я прям извелась, может, ему сшить чего. Куртку, что ли, ветровку, материал от плаща остался. Только змеек длинных нет. А пока весь отдел отбивные ест. Начальник кричит, мы, говорит, Чередеева, от себя тебе доплачивать будем, моим замом переведём, это всё равно выгодней, чем если все по магазинам будут бегать. Такая жизнь.

А в конце года выскочишь, господи! Столько очередей! Душа радуется. Народ радостный носится, конфеты, сумки, босоножки. Банки с маслом, крупой, манкой, чаем, гречкой! Я метнулась – а это только надписи. Но всё равно, засыпем постепенно. А люди бегают, занимают, перебегают, отмечают, весело так, празднично. Я возвращаюсь к шести, а все наши в окне – чего там? Чередеева, чего там?..

Давайте сопротивляться

Случайно попав в ресторан после многолетнего перерыва, она застала там мужа своей сотрудницы, начальника дорожного управления. С тех пор у неё заасфальтирован двор, отремонтированы окна и двери, проведены телефон и горячая вода, а дом назначен на снос.

Затем она выследила начальника райторга в гостинице под чужой фамилией. Представилась знакомой жены и в ужасе выскочила.

Рыбу и дичь ей завозят до магазина. Апельсины сынок уже не может. Мужа воротит от одного вида бананов. А от индейки, что томится сейчас в духовке, они обломают только лапки.

Теперь она слоняется за городом, ищет кого-то поpromтоварам.

Товарищи! А если ей не поддаваться? Ну и пусть сообщает.

Успокойтесь, ухожу

Да, я ушёл от неё из-за того, что она не оставила мне кусок торта.

Да! Они съели всё, а когда я пришёл, ничего не было.

Да! Я ушёл из-за этого. Вы все правы. Вот такой я псих.

Нет! Не из-за того, что нет никакого сочувствия в её глазах, когда ты болен, и надо просить лекарство и слышать в ответ: «Не надо было кричать. Не надо было орать... Не надо было... Не надо было...» Конечно, не надо было.

Месяц не было никакой еды, кроме той, что сам принёс. Годами не могу понять, на что уходят деньги, всё увеличиваясь в размерах.

Никто в доме не работает, кроме меня, и я должен всё увеличивать работу, не имея еды и уговаривая что-то постирать. Я должен запоминать дыры в носках, ибо «почему ты мне не говорил?», я должен закрывать куда-то свои письма, записные книжки, ибо оттуда вычёркиваются, выскребаются фамилии знакомых.

– Почему ты орал?! Вот ты и слёг. И нечего теперь звать на помощь. Сам виноват. Сам виноват. Сам виноват.

Да! Я сам виноват. Надо было в той милой, мягкой, женственной девушке разглядеть сегодняшнего партнёра. Чудовищно изогнуться и разглядеть и предвидеть. Каждое возвращение домой – не ко мне. Меня могут выставить всегда

и внезапно. А оставляя меня одного на какое-то время, выносят книги и ложки.

Я ухожу из-за того, что мне не оставили кусок торта. И когда я спрашиваю: «Почему ты так кричишь на свою мать?» – «Это ты виноват. Ты сделал меня такой».

Я сделал? Очень может быть. Никак не могу сделать такой свою маму. Не могу высквернить своих друзей. А сволочи, с которыми я познакомился давно, были такими и до меня.

Да. Я виноват. И надо идти, ибо из-за меня может стать истеричным ребёнок, его тётя, племянницы, все соседи. Очень хочется что-то плохое сказать о себе. Но спросите у них. Всё, что вы узнаете там обо мне, будет так плохо, что мне можно не беспокоиться, как оживить свой образ.

Я повернулся к стене.

Я обиделся...

И замолчал.

И настойчиво, громко и бесконечно спрашивали, почему я молчу. Неужели из-за того, что мне не оставили кусок торта?

– Да?

– Да!

– Вот! Вот какой ты человек. Теперь понял! Теперь спи! Такой ты человек.

– Сплю. Такой я человек.

Куда денешься от своего характера? Со мной невозможно жить. Я не могу, когда лезут в душу, и часто хочу быть один.

Не люблю, когда читают письма ко мне и вычёркивают там что-то. Не могу жить без сочувствия, без помощи. Не хочу бежать куда-то, чтоб поговорить. Не хочу искать любимую еду в доме у тётки. Не хочу, чтобы с моим появлением прерывался телефонный разговор.

– Подожди. Я уже не могу говорить: он пришёл.

И у меня не хватает сил, упрямства, чтобы оправдывать себя, тянуть на свою сторону и всё время доказывать, доказывать, да так и не доказать, в чём я не виноват.

Да, со мной действительно невозможно и никто не мог жить. И я ухожу, чтобы остаться одному. И ухожу-то из-за чего? Из-за того, что мне не оставили кусок торта.

Телефонный разговор

Она сидит на диване и говорит с подругой по телефону.

Он перед ней с протянутой рукой.

Она. Верочка, уж так, как я его знаю, его никто не знает.

Он мне всю молодость угробил. Лучшие годы мои молодые, красивые. Душу мою молодую, красивую. Красоту отнял и сделал меня такой... А вот такой. Помнишь, ты не верила своим глазам... Сейчас начнёт есть просить.

Он. Дай поесть чего-нибудь.

Она. Видала, чего-то нового от него не жди. Не дам!

Он. Дай поесть.

Она. Не дам. (*В трубку.*) Во, уже начинает злиться.

Он. Ну дай чего поесть. Я там не разберу. Ну дай, тебе говорят, поесть, тебе говорят.

Она. Вот. Злится уже.

Он. Куда ты спрятала обед? Дай поесть!

Она. Не дам вообще. Не заслужил... (*В трубку.*) Сейчас психанёт.

Он. Дай поесть. Дай, змея!

Она. Вот! Видала, как психует... Верочка, такие крики я имею каждый день... Кто?.. Кто с ним будет жить?.. Что значит – терпи?! Почему я должна терпеть?! Ты слышала эти крики?.. Сейчас он меня выведет.

Он. Перестань болтать. Дай обед, тебе говорят. Сейчас

вырву трубку.

Она *(в трубку)*. Слушай, слушай, Верочка!.. Что?.. Нет... Сейчас я ему отвечу... Почему я должна помалкивать, если человек так просится. *(Ему.)* Пошёл к чёрту! *(В трубку.)* Сейчас побледнеет. *(Транслирует, подносит трубку к его лицу.)* Во! Что я говорила!

Он. Дай поесть! Убью! Прекрати!

Она *(в трубку)*. Слышала?!.. Сейчас за сердце схватится. *(Ему.)* Пошёл вон! Вон! *(В трубку.)* Хватается за сердце... Сейчас ему про деньги напомню – рухнет вообще, глаза выпучит, сделает вид, что ничего не знает. Слышишь, Верочке надо отдать деньги.

Он. Какие деньги? Я ничего не знаю.

Она. Двести рублей. Я брала. Правда, Верочка?.. Вот. *(Показывает на трубку.)*

Он. Какие «двести»? Когда? Где я их возьму? Зачем брала?

Она. Денег дай!

Он. Не дам!

Она *(в трубку)*. Смотри, Верочка, сейчас заведётся. *(Ему.)* Денег дай!

Он. Не дам!

Она. Денег дай.

Он. Не дам!

Она. Денег дай. Дай денег. Дай!

Он. Не дам!

Она (*в трубку*). Ну, Верочка, сейчас, чего доброго, с кулаками полезет. (*Ему.*) Денег дай немедленно, слышишь?!

Он. Убью!

Она. Денег дай. Дай денег. Дай!

Он. Убью!

Она (*в трубку*). Во! Во! Слышишь?! Орёт уже. Рот открыт. Челюсть свалилась, за сердце держится, на меня с кулаками. Боюсь, телефон оторвёт. Не убегай, Верочка, держись. (*Ему.*) Денег дай, ничтожество!

Он. Я ж тебе дал.

Она. Уже потратила... (*В трубку.*) Сейчас упадёт.

Он. А! А! Все сто двадцать рублей?

Она. Все. (*В трубку.*) Сейчас умрёт.

Он. Умираю.

Она. Сейчас на пол ляжет.

Он. Ничего не осталось за три дня?

Она. Ни-че-го! Все. (*В трубку.*) На пол рухнул. (*Ему.*) Ничего не осталось. Дай денег на ребёнка. Денег дай на сафари... (*В трубку.*) Сейчас уйдёт.

Он. Пошла вон!

Она. Ушёл! Верочка, почему я всё это должна терпеть? Он мне всё угробил. Всю мою жизнь молодую, красивую.

«Она на его колене...»

Она на его колене пальцем чертила маршрут. Он с волнением следил. Она шла выше: «Идёте по Пушкинской...» Он сипло спросил: «К Большому?» Она сказала: «Да. Идёте, пересекаете площадь...» «Ну? – засипел он, – ну, ну, ну, ну?» – «И тут поворачиваете...» – «Зачем? Идите прямо». – «Нет, нет, нет, нет. Поворачиваете и идёте к метро». – «Нее, – сказал он, – это уже будет в сторону. Давайте вашу руку, я покажу, где мы встретимся». – «Нет, – сказала она, – туда не подойти. Там всё перекопано. Вы там давно не были». – «Смотрите, – он стал чертить пальцем на её колене. – Чтобы добраться сюда, нужно пересечь перекрёсток, опуститься, подняться и подождать вот здесь у кассы». – «Вы думаете, касса здесь?» – спросила она. «Касса всегда была здесь». – «Всё. Поняла. Завтра приду».

С женщиной

С женщиной можно делать всё, что угодно, только ей нужно объяснить, что мы сейчас делаем.

Мы идём в театр. Мы отдыхаем. Мы красиво отдыхаем. Мы вкусно едим. Сейчас мы готовимся ко сну. Женский организм дольше подготавливается к событию и дольше отходит от него... Что предстоит событие и что это событие – надо объявить заранее. Жизнь будет торжественной и красивой.

В воскресенье мы встанем поздно, в одиннадцать часов, лёгкий завтрак, выйдем во двор и будем наблюдать игры детей, к трём вернёмся, устроим обед на двоих и будем смотреть «Клуб кинопутешествий», затем красивый семейный ужин, сервированный на двоих, с чаем и конфетами, просмотр новой серии по ТВ и в двадцать три тридцать праздничный сон. Тебя такое воскресенье устраивает? Конечно. И хоть это точно то же, что и в любой выходной, – есть мужская чёткость и праздничность.

А в понедельник где-нибудь вечером, особенно после ужина, мы сделаем вылазку на Богдана Хмельницкого – настоящую, с осмотром витрин, не спеша зайдём во дворы, парадные. Очень интересно. Сказать, что это интересно, должны вы.

В среду после ужина прослушаем пластинку, которую я

купил. Это очень интересно, великолепный состав (что великолепно, сказать должны вы), и потом прекрасно уснём. Что прекрасно уснём, тоже надо сказать. А в ближайшую субботу сюрприз. Креветки, пиво. Прекрасные креветки и чудесное пиво (надо сказать).

В субботу после обеда я тебя приглашаю на пивной вечер здесь. Это будет великолепный вечер, который очень интересно пройдёт.

В воскресенье с утра я просматриваю газеты, ты готовишь праздничный воскресный борщ под мою музыку. Я выбираю пластинки, ты слушаешь и оцениваешь по пятибалльной системе. По такой же системе я оцениваю твой борщ. «Твой» говорить не надо – «наш» борщ.

В последнюю неделю февраля мы идём в театр и обсуждаем спектакль дома за лёгким ужином на двоих. Ужин будет при специальном освещении. Об этом позабочусь я. Переодеваться не будем, сохраняя красоту и впечатление.

Завтра у нас покупка. Мы покупаем мне туфли, то есть ты выбираешь, оцениваешь, я только меряю. Покупку отмечаем дома торжественным обедом. Вечер проводим при свече у телевизора.

Жизнь приобретает окраску. Всё то же самое, но торжественно, чётко, заранее. Вашу подругу не покидает ощущение праздника. Она стремится домой, из дома стремится в магазин, откуда стремится домой, чтоб не пропустить. И выходы на работу становятся редкими – всего пять раз в

неделю, и целых три праздничных вечера, и два огромных, огромных воскресных дня.

Посмотри, как необычно расцвечено небо сегодня, какой интересный свет. Совершенно неподвижные облака. Они двигаются, конечно, ты права. Но в какой точной последовательности.

Очень необычная была у нас неделя, которая завершила прекрасный месяц. И вообще год был удачным. Необычайно удачный год. (Тут недалеко, что и жизнь удалась.) Мы с тобой прекрасно живём (это надо сказать). Гораздо интереснее, вкуснее и праздничнее остальных, ты согласна? (Спрашивать здесь нельзя. Надо утверждать!) Ты согласна! Я тоже.

А Новый год встречаем на Богдана Хмельницкого – потрясающе. Будем заглядывать в окна, наблюдать за людьми. Это очень интересно. Рад за тебя. Готовиться надо уже сегодня. Отберём окна, подготовим квартиры, наметим точный план. Выход из дома в двадцать три ноль-ноль, встреча Нового года с шампанским, возвращение домой в целых двадцать четыре часа, и праздничный новогодний сон.

В этой торжественной жизни не поймёшь, то ли вы её считаете идиоткой, то ли она вас. Но вы активно помогаете своей жизни пройти как можно быстрее.

Странный мальчик

Какой-то странный мальчик. Вдвое! Вдвое младше меня. Вчера: «Я люблю вас!» Это ужасно смешно. В моём возрасте... Он пришёл и ушёл. А я... Господи, что это со мной?.. У меня муж, кстати, есть. И, кстати, очень хороший. Да и стара я уже, просто стара... Ой, ха-ха, как я стара. *(Всхлипывает.)* Какой-то странный мальчик. Что он во мне нашёл? Берёт мою руку, пальцы у него дрожат. Я смотрю на него, какой странный... Но я-то, я-то, дура старая! Почему мне так смешно? *(Всхлипывает.)* Почему мне так смешно?

Я ему нравлюсь, потому что он ничего не понимает. Он очень скоро начнёт понимать. А я очень скоро вообще... Ему двадцать, мне сорок. О чём может идти речь?.. Да и... Поймите, у меня же муж есть. Кстати, очень хороший. Почему я его должна бросать? Да он и не предложил мне бросать, да я и не буду... Разве что усыновить тебя... Коснётся – бледнеет. Просто он сумасшедший. Но я-то, я-то похоронила себя в четырёх стенах. Что я вижу? Работу и кошёлки. Что я слышу? Когда будет готов обед?.. Ты целуешь мои руки, они же пахнут кухней. Ты очень странный мальчик... Я купила себе резиновые перчатки. Я заняла очередь в парикмахерскую. Я сошла с ума! Они останутся без обеда!

На приёме

Я был на приёме у врача. У врача – этой прелестной женщины лет между... двадцатью-тридцатью и сорока одним.

– Вы на пределе, – сказала она, когда я сомкнул ноги, закрыл глаза, вытянул руки и две минуты качался, как могильный крест. – Вычитите семь из ста, по семи каждый раз. Я буду мерять ваше давление...

Я сидел, считал, в одних брюках, с прискорбием в груди.

– Да, от этой задачки ваше давление повысилось на 20 мм. Представляю, что с вами творится, когда вы решаете задачи посложней.

– Да, я недавно перенёс ремонт...

– Тише... Я всё вижу сама... Рассказывайте.

– Дело в том...

– Я всё сама вижу. Вы на пределе... Резервов уже нет. Когда вы смотрите детские фильмы, хочется плакать?

– Детские – вряд ли, но грустные...

– Комок в горле?

– Да.

– Ясно... Кошечку в подъезде в дождь жалко?

– Очень.

– Всё понятно. Долго не можете уснуть, читаете?

– Да, читаю.

– Возбуждаетесь от читанного и не можете уснуть?

– Да, я вообще...

– Просыпаетесь поздно с тяжёлой головой?

– Да.

– Ясно. Если вас что-то вывело из себя, хочется разбить к чёрту, ударить?

– Да, доктор, хочется.

– Но быстро проходит?

– Да, я только глазами сверкну.

– Лучше уж бейте.

– Хорошо, доктор.

– А выпиваете – становится вроде легче?

– Да!

– Вроде веселей?

– Да!!! Точно.

– Ясно.

– А когда много работаете и не получается, и погода плохая, и денег нет, и выпить нечего, и девушка не пришла, так и жить не хочется?

– Точно, не хочется. – Я заплакал.

– А когда работа идёт, и день ясный, и деньги есть, и вы выпили, и она пришла...

– Жизнь прекрасна, – закричал я.

– Вот-вот-вот... А бывает, что вы из-за мелочи расстраиваетесь и весь день подавленный?

– Да.

– А крупная неприятность, например, болезнь или даже

смерть родственника, никак не действует на вас?

– Конечно.

– Какой ужас...

– Кошмар...

– А бывает, что беспричинно хочется петь и не утром, а ночью, когда все спят, и это ужасно?

– Бывает.

– Будем лечить. Вы на пределе. А бывает, что вы никак, ну никак с женщиной, которая вам не нравится?

– Да.

– И ужасно, страшно, высоко и жутко с женщиной, от которой вы без ума?

– Да, – выдохнул я, – да!.. Как ты всё понимаешь...

– Будем лечить... Запустили вы...

– Да-а, – задышал я, – ...лечи быстрее... Я запустил...

– Я выпишу тебе шалфей, боярышник и Прибалтику... Ты на пределе.

– Я это чувствую...

– Вот эти травы.

– Я их буду сеять.

– Ты их будешь настаивать...

– Зачем настаивать, я их так... Всё, что ты скажешь...

– На слабом огне...

– Хорошо, на слабом огне...

– Пятнадцать минут.

– Сколько скажешь.

- Вот пей... Ты успокаиваешься?
- Я успокаиваюсь.
- Ты здоров.
- Я здоров.
- Ты спокоен.
- Я спокоен... Ты закрыла дверь?
- Перестань сейчас же, сейчас же прекрати. Ты спокоен...

Спи... (*Шёпот.*)

- Послушай, тебе завтра рано?
- Нет, завтра воскресенье, больных нет... спи...
- Сплю.
- Ты очень болен.
- Да, я очень болен.
- Но я тебя вылечу...
- Ты меня вылечишь...
- Я уже лечу, лечу, лечу, лечу...
- Да... Мы лечим, лечим...

История вкратце

«Я хотела жить в Москве...»

Я хотела жить в Москве и всё писала домой.

Что зарабатываю шестьдесят, а зарабатывала пятнадцать. Училась по вечерам. Жила в подвале. А ко мне семья ходила – муж и жена. Одаживали рубль, два.

А однажды пришли: «Нам нужно тридцать».

Я копила себе на лето. Вот, возьмите тридцать. А потом они начали меня избегать. Я зашла к ним и говорю: «Если у вас нет денег, это ничего. Только не надо меня избегать. Отдадите в июле».

Я уехала в отпуск.

Приехала. Зашла к ним. Уже был сентябрь.

И он сказал жене: «Выгони её. Она молодая... Заработает. Гони её отсюда!»

А я в метро шла и говорила: «У меня нет денег. Пропустите меня так. Если не пропустите, я пешком пойду в Сокольники». Они пропускали.

Я в Ялте подружилась, одолжила ей десять рублей на два дня. Она стала меня избегать. Я её уговорила гулять вместе.

Она мне адрес оставила подробный. Но оказалось, адрес не тот.

Ну что делать.

Кофту дала свою поносить.

Не вернула. Я её встретила:

– Что же, – говорю, – ты?

– А вот она на мне. Стыдно мне. Сними её. Но мне нечего больше носить.

– Ладно, – говорю, – носи.

В универмаге покупала медвежонка. А женщине рубля не хватило. Она чуть не плачет. Я ей дала.

– Ладно, – говорю, – завтра я уезжаю. Хотите, возьмите мой адрес – пришлёте, если захотите.

Прислала письмо. Писала, как девочка была рада медвежонку. «Это тётя тебе купила». Пишет, что вложила рубль в письмо.

Не знаю, может, на почте вытащили.

Одолжишь – перестают разговаривать.

Не одолжишь – перестают разговаривать.

А раньше в письме посылала рубль, два, три. Ничего, доходили.

Дела командировочные

(Вынул записную книжку.) Майя Аркадьевна, Сретенка, 12, телефон А-2-25-56. Кто такая? Света Гаврилова, Ордынка, 15, квартира 67, звонить с пяти до двенадцати. Кто такая?... Хотя почерк пьяный, но разобрать можно... А что такое Таня Круглова, Ж-3-47-48... Алло, Таню попросите, пожалуйста... Круглову... Ой! Ай! Извините! (Снимает шляпу.) Так (набирает номер). Катю позовите, пожалуйста. Год не живет. Ясно... Алло. Клару можно... Какую Клару?.. А вот ту самую... Да, ту самую... Зачем... Нет... Всё!.. Долгопол, ресторан «Арагви». Алло, мне такую девушку по фамилии Долгопол... Как мужчина?.. Это вы?.. Никто не говорит... Алло! Это насчёт приобретения земельного участка под Львовом... Замужем. Извините... Селезнёва, площадь Маяковского, выс... симп... стр... Кто такая и почерк дурной... Мороз, что ль, был... Алла Селезнёва. Здоров. Это Миша. Такой весёлый, такой полный такой... Нет, я вас не помню. Но у меня тут записано. Площадь Маяковского. Зима и так далее. Стройная, высокая блондинка. Но я вас помню. Может, вы меня вспомните. Командировочный такой, лысоватый такой, полноватый, весёлый такой, быстро ходит, такой моряк такой в прошлом, такой приятный такой Миша, ну такой, скороговорочка такая приятная, глаза такие приятные, голубые такие. В общем, пятидесятый два...

Не помните? Вспоминаете? Мама ваша вспоминает. А вам сколько? Двадцать один? Стоп! Всё! Не надо звать... Да. Давно не был в этом городе. Алло! Что идёт в кинотеатре «Смена»?..

Нюансы

- К тебе можно зайти?
- Можно. Но есть нюанс.
- Какой?
- Муж.
- Значит, ты замужем? Поздравляю. Ну, как?
- Хорошо.
- Муж хорош?
- Очень хорош, но есть нюанс.
- Какой?
- У него семья.
- Ага. Так он с ней?
- С ней. Но есть нюанс.
- Какой?
- Он у меня всё время.
- Значит, хорошо?
- Хорошо. Но есть нюанс.
- Какой?
- Я люблю другого.
- Почему же ты не там?
- Он меня не любит.
- Значит, можно зайти?
- Конечно.

Нашим женщинам

Женщины, подруги, дамы и девушки! В чём радость и прелесть встреч с вами? Почему вы созданы такими? Нежная кожа, эти глаза, эти зубы и волосы, которые пахнут дождём. Этот носик и суждения по различным вопросам.

Товарищи женщины, дамы и девушки! Назад! Вы уже доказали: вы можете лечить, чинить потолки, собирать аппараты, прокладывать кабель. Хватит! Назад! Обратно! В поликлиниках женщины, в гостиницах женщины, в ресторанах женщины, в цехах женщины. Где же прячутся эти бездельники? Она ведёт хозяйство, она прописывает мужа и сидит в техническом совете. Она и взрослеет раньше, и живёт дольше. У нас в новых районах одни старушки, где же старики?.. А вот бездельничать не надо, будем долго жить. Пьём, курим, играем в домино, обедаемся, валяемся на диванах, а потом же в претензии – мало живём. Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, живот в сорок. Кто нами может быть доволен? Только добровольцы. Лев пробегает в день по пустыне сотни километров. А волк? Все носятся по пустыне, ищут еду. Поел – лежи. А у нас поел – лежи, не поел – лежи. У льва есть мешки под глазами? А брюхо? Имей он брюхо, от него бы сбежала самая унылая, самая дряхлая лань.

Они, конечно, зарабатывают больше нас, наши женщины,

с этим мы уже смирились. Они выглядят лучше, с этим мы тоже смирились. Они одеваются красивее. Сейчас мы пытаемся что-то предпринять – жабо, кружевные воротнички, броши на шее... Ну куда?! С лысиной на голове и брошью на шее далеко не уедешь. А какие у нас походки от долгого лежания на диванах и сидения в креслах на работе? Вы видели эти зады, черпающие землю?.. А зубы – от курения, употребления солёного, сладкого. Горького и противного. А глаза, в которых отражается только потолок.

Наши милые дамы, наше чудо, наше украшение. Вставать рано, собирать детей и этого типа на работу. Самой на бегу проглотить маленький кусочек, успеть причесаться, кое-что набросать на лицо. Прийти на работу – и выглядеть. И в обед занять очередь в четырёх местах и всё успеть. И прибежать домой, накормить детей и этого типа. И бегать, и вытирать, и шить, и починять.

А утром будильник только для тебя. Для тебя будильник, как для тебя огонь плиты, для тебя толпа и давка, для тебя слова, шипящие сзади. А ты поправишь прядку, и бегом. И любят тебя как раз не за это: к этому привыкли. Любят за другое – за кожу твою, за ресницы твои, за губы, и слабость, и нежность твою. И тебе ещё надо умудриться, пробегая в день пятьдесят километров, оставаться слабой. И ты умудряешься: пойди пойми, что главное. И я тебя люблю за всё. Только прошу, остановись на бегу – на работе, дома, встань стройно, посмотри в зеркало, поправь что-то в лице. Чуть

сделай губы, чуть глаза, реснички вперёд и наверх, покачай-
ся на красивых ногах и опять... А мы ждём тебя. Ждём всю-
ду. С букетиком и без. Со словами и молча. На углу и дома.
Приходи! И в дождь, и в снег... И – не всё ли равно!..

Вам, моя дорогая

Ура! Победа присуждена Вам, моя дорогая. Вы меня перемолчали. Во второй встрече на 16-й минуте презрения, молчания, цедения сквозь зубы, огибания взглядом разгромили мои остатки. Я бежал с поля боя путём уползания и растворился в бессонной ночи.

Я провёл километры одиноких объяснений. Я целовал, проклинал, сжигал Вас и снова явился на Вашу встречу со мной, где Вы пронзили меня прямым молчанием слева. Мои объяснения рвались по сторонам, не задевая Вас.

Ещё и ещё раз, убедившись в полной физической непригодности к конфронтации, стычкам, фигурам умолчания и попадания впросак, я попросил вас выбросить моё полотенце...

Ваша, Ваша, Ваша, Ваша взяла!

Ползу поздравить!

Нет смелости поднять глаза.

Победа присуждена Вам. Последующие встречи Вы выигрываете ввиду неявки противника.

Вам осталось добиться, чтоб Ваша победа стала моим поражением. Это – пустяки!

Крепко жму Ваше горло, солнышко, и поздравляю.

Теперь ты, детка!

Теперь ты, детка!

Думай об уроках. Непрерывно. Чулочки шёлковые сними, надень галстук и марш в детсад.

Дядя хочет тишины. Дядя устал. У дяди болит душа и не действует тело.

Иди, детка, играйся...

Что ты суёшь?.. Иди, иди... Кто тебе дал этот адрес?.. А Уголовный кодекс у тебя с собой?..

Нет, дядя не отдаст себя всяким малолеткам, дядя живёт в обществе, где за это могут крепко посадить, дядя старый, у дяди больные ножки... Зачем ты это делаешь?!

Нет... Кроме валидола, ничего... Ни в какой гастронорм... Иди, девочка, в школу...

Нет... И я из-под одеяла не вылезу, и ты туда не влезешь...

Да что же это такое!.. А если дядя крикнет. А если дядя стукнет в стенку.

Там лежит такой же. И мы вдвоём тебя скрутим. И маме будет неприятно...

Девочка!.. Немедленно!.. Слышишь?.. Немедленно отпусти... Слышишь?.. Что я сказал!..

Ой!.. Ты что?.. Кто тебя этому научил?! Сойди... Немедленно... Ну!..

Нет, это не так делается... Ой!.. Ты что!.. Что это за ребё-

нок, господи...

А ну, пошла отсюда! Эй, люди, есть кто-нибудь?.. Пошла, пошла... Не звони!.. Пошла!..

Ах, ты царапаться!.. Ах, ты кусаться!

Хорошо, завтра, завтра рассмотришь подробно... Покажу...

Всё!.. Нет у меня макулатуры!.. Ни для кого!

Соседка о соседях

А я слышала, у Рейгана неприятности, он какие-то документы украл. А Кеннеди семью бросил и где-то пропал. И у Помпиду личную жизнь разобрали и в стенгазету. И у Тэтчер строгаж от консерваторов.

Нелёгкая у них там жизнь.

Рейган скрывал про документы, но сигнал пришёл от соседей, и он раскололся. Анонимок на него много. И все с дитями. С дитями многие пришли. А он в молодости скитался. И сейчас с дитями пришли, а дети – копия он, куда отвертишься. Все видят. Сейчас уже и не назначат президентом. А так бы назначили, он видный такой, пьёт много, но держится просто. Так что его б назначили, но жена с бабами сцепилась – пусть дома сидит, хватит, мол, этих проституток. Как он из дома уйдёт на работу, так пропадает, а потом хвост баб тянется.

У Тэтчер тоже неприятности. Её, наоборот, мужики заели. А у её от них аллергия, сыпь по всему телу и судороги. Не любит их, не переносит, а там без них нельзя. Хоть с кем-то, хоть когда-то, а надо быть. Там у неё с королевой неприятности. Та вроде так ничего к мужчинам, но если кто не понравится – голову срубает. Лорд не лорд.

Певцу одному голову отрубила. Пришёл не вовремя. Знаешь, опоздал или закрутился. Она его к Тэтчер, а Тэтчер его

обратно, та вообще мужчин не любит. А эта говорит: «Что ж ты мой подарок так левой ногой, я тебе, мол, по-хорошему, а ты...» А та говорит: «Ты, мол, что попримечнее себе оставляешь, а мне гадость всякую, падаль». А та говорит: «Вот этот, – говорит, – певец – гадость? Двадцать пять лет жеребцу, и поёт как соловей, это тебе плохо?» А та говорит: «Плохо. И подавись». В общем, они певцу голову отрубили и давай друг друга поливать. Что было! Еле растащили. Разные они, а друг без друга не могут. Друг друга не переносят, а врозь не могут. Как одна достанет гречку или сахару, так другой посылает, пусть, мол, порадуется. А уж мясо к празднику вообще одна не ест. Где, мол, эта развратница, пусть зайдёт.

Но пьют много. Обе закладывают. Мужиков вокруг себя повесят, колокола им на одно место, и давай гулять. Для смеху в двенадцать, в час, в два палкой ткнут – он звенит «бам-бам». Большой Бен! У них есть и маленький. Ну, это не при детях.

А этот, из Франции, Помпиду – вообще поселился в Париже и давай себе жить. А все вокруг тоже не дураки. А прописка? Тут он и завертелся – мама, невеста, к дочери приехал... – такую ерунду плёл. Кто-то догадался дёрнуть: парик, усы и борода – всё поддельное. Он, значит, пять лет притворялся президентом, бумаги подписывал, паёк ел, а сигналы шли. Ну, у него наверху свои были, тоже жуки все загримированные, пока кто-то из баб за усы не дёрнул. Ну, знаешь там – музыка, кутерьма, самогон. Ну, она сдуру... Её преду-

преждали, а ей, вообще, восемнадцать, её предупреждай не предупреждай – всё равно дёрнет...

Ну, тут такое пошло. Тэтчер с королевой прилетели, Ротшильд перевод прислал, Рейган тоже всех своих поднял. Не помогло. Стали разбираться, и знаешь, куда все нити пришли? К нам в Ростов! Да, завбазой один признался. Ну, на него все показали, и отпечатки пальцев, и он раскололся. Все нити к нему... А в саду всё закопано! Каждое дерево не в земле растёт, а в вазоне и без корней. А цветы дёрнули – корней нет – бриллианты. Трава без корней, кусты. Всё на спичках, на булавах, только чтоб снаружи держалось, а внизу серьги, часы, магнитофоны. Семь цветных телевизоров закопано – «Электрон», а на веранде один чёрно-белый довоенный – для виду. Велосипеды закопаны, сервизы, туалетная бумага, шофёрский инструмент, покрышки жигулёвские, крестовины, фары к ноль пятым, сантехника, смеситель югославский – такое богатство.

Со всего мира ОБХСС прилетело, всё себе разобрали, гады. Понял, что творят?!

И когда уже всё раскрыли, он раскололся и самое главное достал – стёкла лобовые к «Жигулям». Что там было – крики, плач, его семья на них рассчитывала. Мол, как жизнь сложится, какая власть, перестройка будет – не будет, а это всегда капитал. А он раскололся. Они все и повесились.

Так и закончилась вся эта печальная история.

Яша

Мы шли с замдиректора ресторана. Тут из трёх девиц, колебавшихся на бревне, одна изумилась.

– Яша?!

– Тс-с-с! Тихо!

– Яша!!

– Тихо, тебе говорят, я с женой.

Жена. Это кто?

Девушка. Я кто?

Яша. Тс-с. Тихо.

Жена. Откуда ты можешь знать таких?

Девушка. Каких?

Жена. Таких.

Девушка. Яша!

Яша. Я не Яша.

Жена. Яша, я тебя спрашиваю.

Яша. Я не Яша.

Девушка. Это ты ей скажи.

Жена. А кто ты? Мне вот интересно, кто ты?

Девушка. За него я тебе горло перерву. Скажи, Яша! Вот, до сих пор ношу, смотри – его подарок (*поднимает юбку*).

Яша. Тс-с! Тихо! Опускай, опускай!

Девушка. Ты стесняешься этой стервы?

Жена. Это я стерва? Ах ты, сволочь, смотри, точно та-

кие (*поднимает юбку*). Игорёк, ты чего сидишь? Не можешь слова сказать?

Игорёк (*издали*). Кошка! Мне это осточертело. Разберитесь.

Девница. Игорёк, ты знаешь эту сволочь?

Яша (*жене*). Катя, ты откуда его знаешь?

Игорёк (*издали*). Кошка, я не знаю, кто это, но это не помешает...

Жена. Сидеть!

Игорёк (*издали*). Как скажешь.

Девница. Кто эта зараза?

Жена. Не твоё дело.

Яша. Кто этот тип?

Жена. Не твоё дело. А кто эта девица?

Яша. Не твоё дело.

Игорёк (*издали*). Так я же сказал, что разберусь...

Жена. Я сказала – не смей!

Женский голос (*издали*). Кто это там разберётся? Ты, что ли, паскудник? А ну, где эта твоя кошка?

Игорёк. Наташа, не ходи туда.

Женский голос. Чего это вдруг? Что, у меня дети не твои?

Появляется жена Игоря.

Жена Игоря (*растерянно*). Ой! Яша!

Наш секс

Музыка. Темнота. Шёпот.

– А если мы сядем сюда, нас не выгонят? Как ты думаешь, можно?

– Я думаю, можно.

– Я боюсь, может быть, здесь сидеть нельзя?

– Я думаю, можно. Я уверен, что можно. Почему же нельзя? Нигде же не написано, что нельзя. Поэтому я думаю, что можно. Тебе хорошо со мной?

– Да. Но здесь, по-моему, нельзя сидеть.

– Можно. Я думаю, можно.

– А нас отсюда не попросят?

– Нет... Почему? Зачем нас гнать? Мы же ничего такого не делаем. Мы просто сидим.

– Конечно. Мы же ничего такого не делаем.

– А что? Ты слышала, что отсюда гонят?

– Нет.

– Я тоже не слышал. Давай посидим здесь.

– Вот увидишь, здесь нельзя сидеть.

– Давай здесь.

– Не надо. Я боюсь.

– Ты меня боишься?

– Нет.

– Не бойся. Здесь можно сидеть. Нас не выгонят.

- Здесь какой-то забор.
- Это обычный забор. Сюда свободный вход.
- Ты здесь бывал уже?
- Нет. Он не похож на забор, куда не пускают. Это хороший забор. Зато нас здесь никто не видит.
- Видят. Видят. Всюду видят. Они так ставят скамейки, чтоб было видно. Наверное, здесь нельзя.
- Можно. Я уверен, что можно.
- А музыку включить можно?
- Вот это, наверное, нельзя. А ты как думаешь?
- Я думаю, нельзя.
- А жаль, правда?
- Очень. А кому мы мешаем?
- Наверное, кому-то. Я ещё не знаю, но если включить, он сразу появится. А если мы передвинем скамейку?
- Ты думаешь, это можно?
- Я уверен, что можно. Мы же ничего такого не сделаем. А?
- Может, и сделаем, я же не знаю.
- Ну что, ну что мы сделаем?
- Я не знаю. Нарушим что-то.
- Ну что, ну что нарушим? Ну очень же неудобно сидеть лицом к свету. Правда?
- Правда.
- Передвинем?
- Передвинем... Вот видишь! Ну что с тобой такое. Зачем

ты это затеял. Что, плохо было сидеть?

— Ну откуда я знал. А я тебя спрашивал. Ты сама говорила, мы ничего такого не сделаем.

— Нет, я сказала, сделаем.

— Когда ты сказала?

— Сказала.

— Значит, не надо было передвигать.

— А я и не хотела.

— Хотела.

— Это ты хотел.

— И ты хотела.

— Тише. А здесь, ты думаешь, можно сидеть?

— Можно. Здесь можно. Здесь, я думаю, можно.

— Ты же думаешь, что здесь грабят.

— А здесь можно грабить?

— Я думаю, нельзя.

— А я думаю, можно. Это же совсем другое, чем сидеть.

— А это можно?

— Можно. Я думаю, можно. А кто запретил?

— Я не знаю. Я слышала, что нельзя.

— А я не слышал, что нельзя. Значит, можно.

— Нет. Если хоть один человек слышал, что нельзя, значит, нельзя. Это точно.

— А если я слышал, что можно.

— Нет. Если один человек слышал, что можно, а другой, что нельзя, всё равно нельзя. Мама говорит, лучше думай,

что нельзя – всегда будешь права.

– Да... А поцеловать тебя можно?

– Наверное, можно.

– А по-моему, здесь нельзя.

– Почему нельзя? Я думаю, можно.

– А я думаю, что нельзя.

Шелест листьев: «Можно-можно, нельзя-нельзя, можно-можно, нельзя-нельзя». Цикады, лягушки, ручеёк: «Можно-можно, конечно, можно, можно всё...»

Он, она и словарь

Ночь. Темнота. Глазок приёмника. Музыка.

Он (зажигает свет. Долго листает словарь). Ай... хэв... лав... мач... (Гасит свет, ложится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.